

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

НОЧНОЙ ЗАКОН

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий

Ночной закон

«1С-Паблишинг»

1994

Хруцкий Э. А.

Ночной закон / Э. А. Хруцкий — «1С-Паблишинг»,
1994 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6049166-8-1

Осень 1944 года. Война уходила на запад. Казалось бы, все самое страшное осталось позади и можно начинать привыкать к относительно мирной жизни. Но не тут-то было. В лесу, наштигованном минами, кроме забытой военной техники оставались еще и недобитые бандитские группировки, наводящие ужас на местных жителей. Учитывая всю сложность ситуации, на помощь районной милиции выслан оперуполномоченный ОББ капитан Токмаков.

ISBN 978-5-6049166-8-1

© Хруцкий Э. А., 1994

© 1С-Паблишинг, 1994

Эдуард Хруцкий

Ночной закон

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В.А.

© ИД СОЮЗ

Война прокатилась по этой земле и ушла на запад. Остался полуразрушенный город, разбитые дороги, сожженные деревни. Почти нетронутым остался только лес, нашпигованный минами, забитый поломанной военной техникой. Жизнь его была непонятна и страшна, как и силуэты людей, появляющихся на опушке перед заходом солнца и исчезающих с рассветом...

День уходил. Еще один многотрудный военный день осени сорок четвертого года. На запад шли войска, ползли машины и танки. На запад, на запад, на запад.

Девушка-регулировщица взмахнула флажком, пропуская юркий штабной «додж» с офицерами в запыленных гимнастерках.

Один из офицеров улыбнулся и подмигнул регулировщице.

День уходил. Крестьяне, закончив работу на полях, прикрыв глаза от солнца ладонью, смотрели на бесконечный поток солдат и машин.

Широколобый «додж» свернул с основной дороги и по пыльному проселку помчался в сторону деревни, приткнувшейся у леса.

Машина въехала в деревню, и шофер резко затормозил: улицу переходили гуси.

– Ты аккуратнее, Ковалев, – недовольно сказал капитан в шерстяной прожженной пилотке, сидевший впереди.

Машина медленно подкатила к покосившейся хате, на которой висел выгоревший на солнце красный флаг. С крыльца сошел человек в застиранной до белизны гимнастерке, в старой пограничной фуражке. Был он туго перепоясан ремнем и совсем бы смог сойти за кадрового сержанта, если бы не костыли и грубо выточенный протез вместо левой ноги.

– Председатель сельсовета? – спросил вылезший из машины капитан.

– Он самый, Андрей Волошук. – Председатель бросил ладонь к козырьку.

– Кадровый?

– Был старшиной заставы, потом партизанил, а теперь вроде в обоз списали.

– Ничего, старшина. – Капитан улыбнулся. – Здесь тоже служба не сахар.

Водитель вылез, достал ведро, опустил его в колодец, начал заливать в радиатор воду.

– Ты бы, Ковалев, сначала нас напоил. – Спрыгнул на землю один из солдат.

– Успеешь. Машина больше тебя хочет.

Подошли двое крестьян, протянули кринки с молоком.

– Понимают солдата, – усмехнулся Волошук. – Сами служили, еще в старой армии.

– Как мне быстрее доехать до Гродно? – спросил капитан.

– Зачем же вы с дороги свернули?

– По карте через лес вдвое короче.

– Не всегда короче дорога, которая короче.

– Не понял?

– Лес, он и есть лес. Там всякого хватает.

– Банды?

Волошук посмотрел на темнеющий в сумерках лес.

– Всякое там. Одним словом, гиблый лес.

– Пугаешь. Дело у нас неотложное, потом мы фронтовики, четыре автомата не шутка.

– Смотрите.

– Прощай, старшина.

«Додж» запыхтел по дороге, скрылся за поворотом, и гул мотора затих в лесу.

Над селом опустилась ночь. Повисла похожая на фонарь луна. Никого. Только, прячась в тени плетней, проковыляла по улицам странная в размытом лунном свете фигура человека.

Волошука разбудил выстрел, и он, еще не проснувшись и не понимая, сон это или явь, расслабленно-бессмысленно лежал, прислушиваясь, в душной темноте хаты.

Звук автоматной очереди вернул его к реальности, и он вскочил, выдернул из-под подушки наган, по звуку стараясь определить, где все-таки стреляют.

Снова прогрохотал автомат, потом еще и еще, и Волошук, натягивая брюки и ища костыли, насчитал пять длинных очередей.

Неумело прыгая на костылях в темной хате, он добрался до сеней и откинул тяжелую щеколду.

Над деревней висела луна, в мертвенно-желтом свете дома и лес за ними казались расплывчато-зыбкими, нереальными.

Опять хлопнул одинокий выстрел, и где-то совсем рядом взревел автомобильный мотор. Волошук, подпрыгивая на костылях, еле успел добраться до забора, как на дорогу выскочил тупорылый «додж» с погашенными фарами. В движении его таилось столько непонятной опасности, что Волошук, упав у плетня, вскинул наган и трижды выстрелил по машине.

Трах!

Трах!

Трах!

Выстрелил и перекатился к колодцу.

Из машины зло и хлестко ответили автоматы, трассирующие пули, обрубая листву, впились в бревна избы. Со звоном посыпалось стекло, рухнул срезанный, словно пилой, стояк навеса. Волошук, встав на колени, пополз за полуразвалившийся колодезный сруб, вел револьверным стволом, пытаясь хоть раз выстрелить прицельно. Но машина уже промчалась мимо его дома. Тяжело урча, она уходила в конец села, к лесной дороге. Волошук сунул руку в карман, где насыпью лежали патроны к нагану. И тут вновь вдалеке ударил автомат, и ему сразу же ответили длинно и зло очереди.

Волошук перезарядил наган, прислушался. Стрельба прекратилась. Только слышен был удаляющийся шум автомобильного мотора.

Обдирая колени, нащупал руками костыли и пополз к дому. Затем встал и, переваливаясь, заковылял к калитке.

Все так же висела луна над селом, и дома в наступившей тишине казались пустыми и безлюдными.

С трудом передвигаясь на костылях, Волошук вышел на дорогу и застыл на ней, не зная, что делать, куда идти. Луна разломала его тень, и она уродливо и длинно легла на серебристый песок улицы.

Тихо. Непонятная тишина таила опасность.

Внезапно он услышал топот. По дороге кто-то бежал, тяжело стуча коваными сапогами. Уходить было поздно, и Волошук, удобнее уперев костыли в землю, поднял наган.

Темная фигура была уже различима на дороге.

– Стой!

– Председатель! Волошук! – донеслось из темноты. – Не стреляй. Слышь? Я это, Гончак.

– А, участковый. – Председатель обвис на костылях.

Участковый подбежал, поправляя на плече ремень автомата. Остановился рядом, пытаясь заглянуть в лицо.

– Что это, председатель?

– Я тебя хочу спросить, сержант.

– Машина-то «додж», военная машина. Наша.

– Ваша, значит, – сплюнул Волошук. – Тогда ты бы и спросил их.

– Ты чего говоришь? Чего говоришь... Ты же председатель сельсовета... Партизан...

Ранению принявший.

– А что я говорить должен? Прыгать на одной ноге? Радоваться? А?

– Откуда они выехали? – Участковый полез в карман. – Табак забыл. У тебя нема?

– Залезь в карман. Вроде они от Капелюхов выехали.

Участковый скрутил сигарку, достал кресало и трут, зло звякнул по камню. Вспыхнули в темноте синеватые искры, оранжево затлел трут. Участковый прикурил, затянулся жадно несколько раз, обкусил конец самокрутки, протянул Волошуку.

– Ну какие наши действия, председатель?

– К Капелюхам пойдем.

– Оно, конечно, так, идти надо. Никак без этого нельзя, – с тоской сказал участковый и снял с плеча автомат.

И они пошли. Двое. Только двое в этой недоброй ночи.

У забора дома Капелюха они остановились.

– Эй! – крикнул участковый, и голос его прозвучал в тишине неожиданно гулко. – Эй, хозяин! Капелюх, слышишь меня?

В темноте что-то заскрипело протяжно и тоскливо. Участковый вскинул автомат. Волошук повел стволом нагана.

– Это дверь в хате скрипит, – сказал председатель шепотом. – Я был у Капелюха, так она прямо воеет, проклятая.

– Ладно, Волощук. – Участковый протянул ему автомат. – Ты не ходи со мной. При твоих подпорках толку от тебя там не будет. Ты прикрой меня, если что. Полдиска осталось. Так ты короткими. Слышишь?

Волощук взял автомат, передернул затвор. В тишине пружина лязгнула тревожно и звонко. Он посмотрел на дом. В свете луны тот показался ему непомерно большим от теней, прилипших к скату крыши, к углам.

Участковый достал пистолет, постоял немного, вглядываясь в темноту, и шагнул во двор. Легко, стараясь не стучать сапогами, перебежал лунную дорожку, ведущую от калитки к хате, и остановился.

Снова протяжно заскрипела дверь. Звук был уже привычен, но все-таки неожидан, и опять он заставил участкового вздрогнуть.

Ступени крыльца затрещали под ногами. Участковый достал карманный фонарик, желтая полоска света вырвала из темноты крыльцо, золотистую россыпь гильз, какие-то тряпки, валяющиеся у двери.

Участковый толкнул дверь и услышал стон.

– Кто здесь? – тихо позвал он.

– О-о-о! – отозвалось из дома.

Участковый толкнул противно заскрипевшую дверь, и луч фонаря осветил сени – поваленные лопаты и грабли, медное корыто, разбросанные ведра.

– О-о-о!..

Луч фонаря мазнул по стенам. В углу сеней, бесстыдно разбросав белые ноги, лежала женщина с залитым кровью лицом. Участковый, споткнувшись о гулко загремевшее ведро, шагнул к ней и осветил фонарем.

На полу в порванной ночной рубашке лежала невестка Капелюха Ядвига.

– Ядзя, Ядзя. Это я, Гончак, милиционер, Ядзя!

– О-о-о!

– Ядзя! Ты меня слышишь?..

Женщина продолжала стонать надрывно, захлебываясь, и участковому казалось, что она прощается с жизнью. Луч фонарика вновь побежал по стенам, вырывая один за другим предметы разбросанного крестьянского скарба. И вид этих вещей, испокон веков имевших свое место, наполнял тревогой душу крестьянина, надевшего синюю милицейскую форму.

Открытая дверь в горницу манила его и страшила одновременно. Но он должен был идти и, сжав пистолет, шагнул в комнату, повел фонариком.

Трупы. Залитые кровью, почти пополам разрезанные автоматными строчками, лежали там, где их настигла смерть. Разбитые шкафы, поваленный комод.

Пятясь, спотыкаясь о ведра и грабли, Гончак вышел на крыльцо. И здесь его начало рвать.

Волощук услышал странные звуки, будто кто-то плакал, захлебываясь. Он повесил автомат на шею, выдернул из-за пояса наган и заковылял к хате.

– Что?! – крикнул Волощук.

– Там, – захлебываясь, ответил Гончак. – Там...

– Что там? Что?

– Капелюхов... Побили Капелюхов...

– Всех? – Голос председателя сел.

– Нет... Ядзя... Жива... Только стонет... Ранена...

– Где?

– В сенях.

– Что делать будем, Гончак?

– Постой... – Гончак вытер рукавом рот, присел на ступеньки крыльца. – Постой. Надо в райотдел сообщить. Ты, Волощук, здесь будь. Слышишь? Никого не подпускай. Я к телефону.

- Лесом не ездей.
- Лесом скорее. Всего минут двадцать.
- Лесом не ездей, Гончак.
- Надо лесом, председатель, время у нас нема.

Участковый гнал лошадь сквозь лес. Гнал, низко склонившись в седле, почти лежа на мокрой, пахнущей потом лошадиной шее. Гнал, стиснув зубы, пересиливая страх. И казалось ему, что из-за каждого куста направлен в него бездонно-черный ствол автомата.

Райотдел милиции разместился в длинном одноэтажном здании ссудной кассы. С той далекой поры окна были наглухо забраны тяжелыми чугунными решетками. Дежурная часть находилась в кабинете кассира. Комнату пополам делила металлическая сетка с узкой дверью и окошечком для выдачи денег.

Дежурный лейтенант в синей выгоревшей милицейской гимнастерке с мятыми серебряными погонами, немецким штыком-кинжалом нарезал сало, слушая рассказ помощника, сержанта.

– Вот я тебе и говорю. Вошли они, значит, в дом. В масках. Трое. И говорят хозяину: давай ценности. А тот им: нет, говорит, у меня ничего, все, мол, немцы забрали. Тогда они начали его бить. А один примус стал разжигать.

– А примус-то зачем? – Дежурный ловко подхватил кусок сала, уложил его на краюху хлеба и протянул в окошко кассы.

– Как зачем? – Сержант взял бутерброд, изумленно, словно на ребенка, посмотрел на лейтенанта. – Штык калить...

– Зачем?

– Пытать собрались.

– А-а.

– Вот тебе и а... А дочка хозяйская в другой половине спала, она в окно вылезла – и на улицу. А тут машина наша едет...

– Ну?

– Что «ну»? Взяли их. Один, между прочим, полицай бывший.

– До чего сволочи всякой война развела. – Дежурный изумленно закрутил головой и снял с плиты чайник. – Страх до чего много.

– А то...

Зазвенел телефон, и лейтенант, с неодобрением посмотрев на него, снял трубку.

– Райотдел милиции, дежурный Слепнев. Кто?! Откуда?! Гончак? Чего тебе, Гончак? Что? Да говори ты медленнее, не кричи так, я слышу. Что?! Что ты несешь?! Стой, записываю!

Лейтенант отодвинул кружку с чаем, вытер сальные пальцы прямо о галифе, достал журнал происшествий.

– Диктуй, Гончак. – Дежурный начал писать. – Так... Так... Кто?.. Капелюх... Так... Время...

Часы на стене сипло пробили один раз.

– Понял тебя. Обеспечь сохранность места происшествия. Действуй!

– Что там? – дожевывая хлеб, спросил сержант.

– В Смолах семью перебили.

– Кто?

Дежурный посмотрел на него, усмехнулся и подошел к телефону, висящему на стене, закрутил ручку.

– Товарищ подполковник...

– Фару зажгите, – приказал подполковник Павлов. Он стоял во дворе усадьбы Капелюха, маленький, мешковатый, больше похожий на бухгалтера, чем на человека, отвечающего за борьбу с бандитизмом в этом беспокойном, прифронтовом районе.

Вспыхнул авиационный фонарь, укрепленный на длинной алюминиевой стойке, и осветил двор бледным, мертвенным светом.

Работники опергруппы делали свое дело сноровисто и привычно, сантиметр за сантиметром обшаривая двор.

Из дверей хаты вышла женщина с погонами старшего лейтенанта медицинской службы.

– Что у вас? – спросил подполковник.

– Пострадавшая приходит в себя, касательное ранение головы.

– Остальные?

Врач развела руками.

– Вся семья?

– Да, товарищ подполковник, шесть человек. Даже детей не пожалели.

– Так. Давыдочев! Где Давыдочев? – крикнул подполковник.

– Он в доме, – ответил кто-то.

– Ко мне его!

– Давыдочева к начальнику!

Молодой лейтенант выглянул в окно хаты.

– Меня?

– К начальнику.

Давыдочев подошел, на ходу застегивая воротничок гимнастерки.

– Ну что у тебя? – Подполковник внимательно посмотрел на лейтенанта.

– Трупы...

– Я знаю, что не цветы. Конкретнее.

– Семья перебита внезапно. Следов борьбы нет. Некоторых смерть застигла в постелях.

Стреляли почти в упор. Накрошили...

– Из чего стреляли?

– Из «шмайсеров». Гильз много. Пули из стены выковыряли.

Лейтенант раскрыл ладонь. На ней лежали деформированные кусочки металла.

– Еще что?

– Взяты все вещи.

– Что значит «все»?

– Шкафы и комод пустые.

– Как ты думаешь, Давыдочев, много можно взять у крестьянина?

– Не знаю. Наверное, немного.

– Правильно. Возможно, нападавшие что-то искали.

– Явных следов нет.

– Смотрите лучше. А может быть, они нашли сразу...

– Товарищ подполковник! – К начальнику подошел высокий пожилой майор. – Следы сапог обнаружены, размер сорок второй, судя по рисунку подошвы, сапоги наши, армейские.

– След загипсовали?

– Так точно. Вот пачка от немецких сигарет «Каро».

Майор протянул начальнику раздавленную сапогом синюю коробку с золотыми буквами.

– Так. – Подполковник взял коробку, шагнул в свет фонаря, поднес ее к глазам. – Интересно. Вы уверены, что ее оставили нападавшие?

– Уверен.

– Почему?

– У убитого найден большой запас табака-самосада.

- Это ни о чем не говорит. Можно курить и то и другое.
- Не думаю.
- Давыдочев, – повернулся Павлов к лейтенанту, – потерпевшая может говорить?
- Пока нет.
- Срочно ее в город, в госпиталь. Где председатель сельсовета?
- Вот он. – Давыдочев кивнул в сторону сидящего на бревне Волощука.

Павлов пересек двор, подошел к председателю. Тот торопливо начал нашаривать костыли.

– Сидите, сидите. Я тоже присяду. Настоялся. Так как же это, советская власть?

– А вот так! – Волощук выплюнул сигарку. – Я власть до заката. А потом мы на заячьем, извините, положении.

– Кто «мы»?

Волощук, усмехнувшись, недобро хлопнул ладонью по торчащему за поясом револьверу.

– Есть еще оружие?

– Трехлинейка.

– Я распоряжусь, чтобы вам оставили автомат.

– Лучше «дегтяря» или МГ и патроны, конечно.

– Оставим. Вы видели машину?

– Да.

– Какая марка?

– Навроде как у вас.

– «Додж»?

– Он. На такой же машине вчера под вечер приезжали капитан и трое бойцов. Торопились в Гродно. Решили ехать через лес.

– Приметы их помните?

– Товарищ подполковник, – подбежал Давыдочев, – в сарае пилотку нашли, нашу, офицерскую.

Подполковник взял пилотку, осветил фонарем.

– Это его пилотка! – крикнул Волощук.

– Чья?

– Да капитана, что приезжал.

– Странно, очень странно... Как вы думаете, почему они приходили?

– Думаю, за продуктами. В лесу прячется сволочь всякая. Ходят по крестьянам, отбирают муку, сало, птицу. А Капелюх не дал им ничего. Вот они и дождались, когда он госпоставку приготовит. Я в сарай заходил. Чисто. И кабана застрелили, и корову с телкой, да, видать, увезли.

А ночь уходила. Рассвет растворил белый, призрачный свет лампы, и ее погасили.

– Товарищ подполковник! – Высокий сухопарый лейтенант – эксперт-криминалист подошел и замолчал, глядя на Волощука.

– Говори, при нем можно.

– Следы машины соответствуют «доджу три четверти». Резина не новая, правое заднее колесо латаное, оставляет характерный след. Отпечатки загипсованы. Следы машины прослежены по всему селу.

– Хорошо. Иди. Скажи-ка, председатель, кто вон в том доме живет? – Подполковник ткнул пальцем в сторону соседнего плетня. – Вон, кстати, и хозяева.

Волощук поднял голову. У плетня стояли мужчина и две женщины, молча глядели на двор Капелюха.

– Тройские это. Казимир, жена его и невестка.

– А где сын?

– Говорят, у поляков служит в Войске Польском.

– Давыдочев! – Подполковник вскочил с неожиданной для его плотного тела легкостью. – Давыдочев!

– Здесь, товарищ подполковник! – подбежал запыхавшийся лейтенант.

– Заправься, фуражку поправь. – Подполковник неодобрительно оглядел его. – Ты же уполномоченный ОББ, а ходишь как начальник банно-прачечного отряда.

– Виноват. Я...

– Вот этого, – подполковник указал на Тройского, – ко мне.

Давыдочев, придерживая рукой кобуру, побежал к соседнему плетню. Тройские попятись, потом почти бегом бросились к хате.

– Стой! – крикнул лейтенант. – Стой, хозяин!

Тройский остановился. Рука, схватившаяся уже за перила крыльца, сжалась, словно он боялся оторваться от спасительного родного дома.

– Хозяин! – еще раз крикнул лейтенант.

Тройский повернулся, медленно, словно ожидая выстрела в лицо.

– Пошли со мной, – махнул рукой Давыдочев.

Тройский с трудом оторвал руку от перил и шагнул к лейтенанту.

– Казимешь! Нет! Казимешь! – закричала жена. Она схватила Тройского за руку и потащила в хату. – Нет, – кричала она по-польски, – не пушу! Нет!

– Вы что? – крикнул Давыдочев. – Прекратите!

Тройский мягко освободил руку и обреченно шагнул к Давыдочеву.

– Прошу! – Лейтенант показал рукой на двор Капелюха. У плетня он обернулся и поразился нескрываемому отчаянию, искажившему лицо женщины. Тройский шел медленно, осторожно ставя босые ноги, словно боялся наступить на что-то острое. Во дворе усадьбы Капелюха он затравленно огляделся и, безошибочно определив старшего, шагнул к Павлову.

– Тройский? – спросил подполковник.

– Да, пан.

– Кто был ночью у вашего соседа? Вы видели?

– Нет-нет, – Тройский говорил на странной смеси польского, белорусского и русского языков.

– Подождите. Я не понимаю вас.

– Он говорит, что спал, – перевел Волощук, – потом услышал выстрелы. Много выстрелов. Так я говорю, Казимир?

Тройский кивнул и заговорил еще быстрее.

– Они испугались, – продолжал Волощук, – и спрятались в подпол. Так, Казимир?

Тройский опять кивнул.

– Я думаю, товарищ подполковник, – Волощук подобрал костыли, тяжело опершись, поднялся. – Я думаю, он действительно ничего не видел, у нас народ напуганный. Сознания в нем мало. Боятся всего. Приучил их немец к страху. Да разве немец один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.